

СЛОБОДА УТЯТСКАЯ

въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка.

(Страница изъ исторіи киргизскихъ набѣговъ).

Х.

Слобода Утятская, расположенная на лѣвомъ берегу р. Тобола и находящаяся въ 40 верстахъ отъ г. Кургана къ югу, принадлежитъ нынѣ къ числу наиболее бойкихъ и многолюдныхъ селъ Курганскаго уѣзда. Въ ней довольно красивая каменная трехпрестольная церковь, волостное правленіе съ почтовымъ отдѣленіемъ, школа, больница и домъ призрѣнія убогихъ крестьянъ. — Возникновеніе этой слободы относится ко времени киргизскихъ набѣговъ въ XVII вѣкѣ на русскіе города и селенія въ Сибири.

Какъ извѣстно, русскіе, покоривъ Сибирь, первоначально стали заселять преимущественно сѣверные уѣзды нынѣшней Тобольской губерніи. Здѣсь скоро, одинъ за другимъ, въ теченіе 14 лѣтъ (съ 1586 по 1600 г.) были выстроены города — Тюмень, Тобольскъ, Пелымъ, Сургутъ, Березовъ, Обдорскъ и Туринскъ, явилось сравнительно много селъ и деревень. Совсѣмъ не то было въ предѣлахъ нынѣшнихъ южныхъ — Курганскаго и Ишимскаго уѣздовъ. Не смотря на то, что эти уѣзды самые плодородные въ Тобольской губерніи, они долѣе прочихъ уѣздовъ оставались не заселенными. Первые русскія селенія являются здѣсь не ранѣе 70-хъ годовъ XVII вѣка. Но и узнавъ объ этихъ плодородныхъ мѣстностяхъ, русскіе не особенно охотно шли сюда, и дѣло заселенія этихъ уѣздовъ, такимъ образомъ, совершалось въ то время не особенно быстро. Причиной такого явленія были здѣсь набѣги на русскія селенія „воровскихъ воинскихъ людей“, т. е. враждебныхъ Россіи киргизовъ. Эти набѣги кочевниковъ, воспитавшихъ въ себѣ, при условіяхъ степной жизни, непримиримую ненависть къ осѣдлой жизни и считавшихъ грабежи и набѣги (баранту) дѣломъ вполне законнымъ, были довольно часты и сопровождались нерѣдко взятіемъ въ плѣнъ и даже избіеніемъ селившихся здѣсь мирныхъ русскихъ крестьянъ. Набѣги происходили каждый

годъ и производились отдѣльными шайками киргизовъ въ 50—80—100 человекъ. Намѣреваясь вытѣснить русскихъ пришельцевъ и стереть съ лица земли ихъ селенія, киргизы, во время набѣговъ, посѣянный русскими хлѣбъ, стоявшій на корню, топтали конями, собранный въ скирды превращали въ пепель, селенія раззоряли и выжигали до тла. Въ виду этихъ частыхъ и опустошительныхъ набѣговъ, потребовались со стороны русскаго правительства серьезныя мѣры. Съ 70-хъ же годовъ XVII ст., т. е. съ того самаго времени, какъ стали селиться на югѣ Тобольской губерніи русскіе крестьяне, правительство русское стало строить здѣсь „остроги“ (укрѣпленія), откуда можно было бы русскимъ войскамъ слѣдить за движеніями „Казачьей орды“, т. е. киргизовъ, и подъ защитой каковыхъ (остроговъ) мирные русскіе земледѣльцы могли бы свободно заниматься своимъ крестьянскимъ трудомъ. Въ концѣ XVII ст. такихъ остроговъ въ предѣлахъ нынѣшнихъ Курганскаго и Ишимскаго уѣздовъ было уже четыре.

По мѣрѣ того, какъ русскіе заселяли означенные уѣзды, набѣги киргизовъ стали учащаться. Вслѣдствіе этого русское правительство нашло необходимымъ устроить здѣсь какъ можно болѣе слободъ съ острогами и, такимъ образомъ, въ началѣ XVIII вѣка, при Петрѣ Великомъ, явилась довольно сильная линія укрѣпленій, которая была извѣстна подъ общимъ именемъ Ишимской и которая, начинаясь отъ Чернолуцкаго острога (въ 40 вер. отъ Омска), проходила болѣе чѣмъ черезъ 20 форпостовъ, разсѣянныхъ по югу Тобольской губерніи. По повелѣнію Петра Великаго, еще въ концѣ XVII вѣка былъ образованъ особый драгунскій полкъ, предназначавшійся спеціально для отраженія и усмиренія киргизовъ. Въ каждую слободу, находившуюся въ предѣлахъ нынѣшнихъ Курганскаго и Ишимскаго уѣздовъ, былъ назначенъ капитанъ съ отрядомъ драгунъ, „чтобъ тѣхъ слободъ и остроговъ и иныхъ сибирскихъ городовъ служилыхъ всякаго чина людей и пашенныхъ крестьянъ никакого раззоренія и въ полонъ взятыя не допустить“. ¹⁾ Въ 1701 г. эти драгуны и капитаны были уже во многихъ слободахъ. Наказомъ Петра Великаго, даннымъ полковнику Ивану Аршинскому въ 1706 г., подтверждалось, чтобы „быть въ тѣхъ слободахъ на приказѣхъ тѣмъ драгун-

¹⁾ Памятники Сибирской исторіи XVIII вѣка. Т. I, № 71, стр. 298.

скимъ капитаномъ безпрѣмѣнно, вѣдать имъ судомъ и всякою расправою драгунъ и крестьянъ туточныхъ“²⁾. Драгунамъ „для припашки и для отдачи въ наемъ и лошадямъ на кормъ“ отводилась особая земля. Сверхъ того, драгунамъ было обѣщано, „что за всякаго непріятеля имъ великаго государя жалованья дано будетъ того полоняника (т. е. плѣннаго киргиза) платье, конь и всякой збруи; что чего съ тѣмъ непріателемъ возметъ, и то отдать ему“. „Начальнымъ же людямъ“ было предписано „у драгунъ, кто что возметъ, отнюдь ничего не отымать“.³⁾

По временамъ набѣги киргизовъ на русскія селенія не надолго прекращались и даже происходили переговоры между сибирскими губернаторами и ханами „Казачьей орды“ о взаимномъ мирѣ. Такой миръ, наиримѣръ, былъ заключенъ въ 1717 году Хаибъ-ханомъ, который въ сентябрѣ мѣсяцѣ того года послалъ въ Тобольскъ къ Сибирскому губернатору, князю Матвѣю Петровичу Гагарину, своихъ пословъ сказать, что „онъ-де Хаибъ-ханъ и люди его Казачья орда съ людьми нашего великаго государя, его царскаго величества, Сибирской губерніи въ миру быть хотятъ“. Въ своемъ письмѣ къ Хаибъ-хану отъ 29 ноября 1717 г. Гагаринъ писалъ, что „по указу нашего великаго государя, люди его царскаго величества Сибирской губерніи съ людьми вашими ссоры имѣть не будутъ“, что „отъ людей царскаго величества Сибирской губерніи, которые указомъ его, великаго нашего государя, вручены мнѣ, отъ тѣхъ николи, никогда обиды вашимъ людямъ не будетъ. Такожъ и вашимъ людямъ былъ бы заказъ, чтобъ для воровства въ сторону царскаго величества не подѣзжали жь и ссоръ бы не чинили“.⁴⁾ 1-го мая слѣдующаго 1718 г. снова прибыли въ Тобольскъ послы отъ киргизскихъ хановъ Хаиба и Абуль-Хаира съ листами, въ которыхъ ханы писали губернатору Сибири: „мы живемъ въ миру, о томъ Богъ свидѣтель“. Посланцы съ своей стороны говорили, что „Казачья орда съ людьми царскаго величества желаютъ быть въ миру и никакой ссоры имѣть не будутъ“.⁵⁾ Въ томъ же году, 7 октября, пріѣхали въ

²⁾ *ibid.*, стр. 292.

³⁾ *ibid.*, стр. 297.

⁴⁾ Пам. Сиб. ист. Т. II, № 41, стр. 156—157.

⁵⁾ *ibid.*, стр. 164.

Тобольскъ два посланца отъ хана Абуль-Хаира и „подали листъ“, въ которомъ ханъ киргизскій увѣрялъ губернатора, что онъ до смерти своей готовъ хранить миръ съ русскими: „нынѣ, — писалъ ханъ, — покамѣстъ пеленишныя робята возрастуть и сайдаки обстернутъ, и мы покамѣстъ живы будемъ, не воеватца и въ миру быть, худо бы покинуть“⁶⁾.

Но всѣ эти слова о мирѣ на самомъ дѣлѣ оставались только словами. Русское правительство мало придавало значенія этимъ словамъ и увѣреніямъ, что можно видѣть изъ указовъ Тобольской губернской канцеляріи отъ 23 сентября и 18 октября 1721 г., посланныхъ къ полковнику Угрюмову и въ дистрикты⁷⁾ къ земскимъ комисарамъ, каковыми указами „велѣно ему, полковнику Угрюмову, на станціяхъ заказать накрѣпко, чтобъ въ степь для рыбного и ни для другихъ какихъ промысловъ никого не пропускать, а земскимъ комисаромъ крестьянъ никого не отпускать и отпусковъ имъ никому не давать“.⁸⁾ Неспокойные киргизы дѣйствительно въ скоромъ времени начали снова дѣлать нападенія на русскихъ крестьянъ, особенно на отирававшихся за чѣмъ-нибудь въ степь. Такъ, 30 іюля 1722 г. шайка киргизовъ напала у озера Мандезери на 20 русскихъ крестьянъ, пріѣхавшихъ въ степь „для поставки сѣнъ“; „изъ нихъ взято въ полонъ Казачьей орды людьми 10 человекъ, да убили одного, да 27 лошадей отогнали“. Вслѣдствіе этого разбойническаго поступка киргизовъ, Тобольская губернская канцелярія вновь разослала „въ города Тобольской провинціи ко управителямъ и къ драгунскому полковнику и земскому комисару Толбузину и Тобольского уѣзду въ дистрикты къ земскимъ комисарамъ“ указы отъ 19 сентября 1722 г., „чтобъ они въ степь ни для какихъ промысловъ каждый изъ своего вѣдомства драгунъ, крестьянъ и всякаго чина людей разночинцовъ отнюдь никого не отпускали и отпускъ никому не давали подъ опасеніемъ жестокаго истязанія, для того, что отъ несмотрѣнія воеводъ и управителей и офицеровъ и

⁶⁾ *ibid.*, стр. 165.

⁷⁾ Дистриктъ—округъ, уѣздъ.

⁸⁾ *ibid.*, № 92, стр. 410.

земскихъ комиссаровъ являютца многіе въ потеряніе люди изъ стороны его императорскаго величества въ Казачью орду“.⁹⁾

Изъ отношенія же полковника Леонтія Парфентьева отъ 23 ноября 1723 года въ Тобольскую губернскую канцелярію можно заключать, что набѣги киргизовъ на русскія селенія даже совсѣмъ почти не прекращались. „Непріятели, Казачья орда, — писалъ Парфентьевъ, — послабленіемъ бывшаго губернатора князя Гагарина, съ прошлаго 1716 году приближились кочевать къ пограничнымъ слободамъ во близости, и кочуютъ по Ишиму и по другимъ рѣкамъ, и его величества людей конечно раззоряютъ, въ полонъ увозятъ и побиваютъ, скотъ отгоняютъ, пожитки грабятъ, дворы, хлѣбы, сѣна жгутъ“.¹⁰⁾

Частые набѣги киргизовъ, которые нерѣдко „подбѣгали ради раззоренія и полоннаго взятія въ однѣхъ числѣхъ въ разныя многіе мѣста“, ставили драгунскій полкъ въ большое затрудненіе. Набѣги киргизовъ стали тѣмъ чувствительнѣе, что и въ самомъ драгунскомъ полку не все обстояло вполне благополучно. „Многіе офицеры и драгуны, — говорилъ въ своемъ доношеніи Парфентьевъ, — держатъ при себѣ плохихъ лошадей, а есть многіе и безконные, а непріятели каждой имѣетъ при себѣ по три и по четыре коня добрыхъ, и, взявъ русскихъ людей въ полонъ, бѣгутъ день и ночь, а имъ сакмъ ихъ слѣдить по ночамъ, за темнотою, не мочно“.¹¹⁾ Притомъ же одного полка было уже недостаточно. Непритель, кочевавшій близъ русскихъ селеній, „сталъ „приходить во многолюдствѣ“; необходимо было оттѣснить его въ глубь степей. Но сдѣлать это одинъ драгунскій полкъ не могъ, такъ какъ онъ былъ раздѣленъ на отдѣльныя роты и разсѣянъ по разнымъ острогамъ и слободамъ, съ цѣлю защиты послѣднихъ. Чтобы „задать непрителю страхъ“, нужно было собрать полкъ вмѣстѣ, но и это сдѣлать было не легко, „понеже оной полкъ былъ оселенъ по разнымъ слободамъ болши какъ на тысячи верстахъ“.

Поэтому въ 1723 году полковникъ Парфентьевъ обращался къ начальству съ доношеніемъ о необходимости выслать

⁹⁾ *ibid.*, стр. 410—411.

¹⁰⁾ *ibid.*, № 106, стр. 442—443.

¹¹⁾ *ibid.*, стр. 443.

новый драгунскій полкъ на помощь дѣйствующему противъ киргизовъ. Новый полкъ, однако, не былъ высланъ; вмѣсто того Тобольская губернская канцелярія разослала „въ Тобольскіе дистрикты къ земскимъ комиссаромъ указы, чтобъ всякого чина и служилые люди жили съ великимъ опасеніемъ и осторожностію, какъ со огненнымъ, такъ и острымъ ружьемъ, и были въ готовности, слѣдуя его императорского величества прежде посланнымъ указомъ“.¹²⁾

Такимъ образомъ, русскому населенію южной части нынѣшней Тобольской губерніи приходилось жить въ страхъ и ожиданіи внезапныхъ набѣговъ со стороны киргизовъ до усмиренія послѣднихъ въ болѣе позднее время, въ началъ уже XIX вѣка. Правда, въ 30-хъ годахъ XVIII ст. Абуль-Хаиръ и другіе ханы „Казачьей орды“ приняли русское подданство, но и послѣ этого киргизы не переставали дѣлать набѣги на русскія слободы и деревни, такъ какъ ханы киргизскіе, принявшіе русское подданство, не имѣли почти никакого авторитета среди своихъ единоплеменниковъ. И Россія, такимъ образомъ, почти 100 лѣтъ владѣла киргизъ-кайсацкой ордой лишь номинально.

(Продолженіе будетъ).

А. Юрьевскій.

СЛОБОДА УТЯТСКАЯ *)

въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка.

(Страница изъ исторіи киргизскихъ набѣговъ).

II.

Изъ представленнаго краткаго очерка киргизскихъ набѣговъ на южную часть Тобольской губерніи въ XVII и XVIII вѣкахъ можно видѣть, въ какія условія были поставлены находившіяся тамъ въ то время слободы и деревни, съ какимъ трудомъ доставалась осѣдлая жизнь на пашнѣ русскимъ людямъ въ сосѣдствѣ съ „воровскими воинскими людьми“. Неудивительно поэтому, если столь плодородные уѣзды, каковы Курганскій и Ишимскій, заселялись въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка очень медленно.— Въ ряду первыхъ по времени селеній, возникшихъ въ предѣлахъ нынѣшняго Курганскаго уѣзда, была слобода *Утятская*.

Время основанія этой слободы съ точностью неизвѣстно. Но несомнѣнно, что она основана была въ царствованіе Θεодора Алексѣевича и едва-ли позже 1680 года, такъ какъ документально извѣстно, что въ 1682 г. слобода Утятская уже существовала и даже поль-

*) См. Тоб. Епарх. Вѣд. 1900 г. № 12.

зовалась большою извѣстностью. Подробныхъ свѣдѣній о возникновеніи этой слободы мы не имѣемъ, но само собой разумѣется, что возникнуть она могла лишь по непосредственному разрѣшенію и указу самого царя Феодора Алексѣевича, послѣ предварительнаго осмотра здѣсь мѣстности нарочито посланшимися для этой цѣли со стороны воеводъ лицами, „которымъ пашенные и всякіе земли въ обычай“¹⁾. Безъ непосредственнаго разрѣшенія со стороны самого государя въ то время строить новыя слободы въ Сибири было нельзя, въ силу существовавшаго тогда обычая и царскаго указа, гласившаго: „которые слободчики и иные охотники учнутъ бити челомъ намъ, великому государю, чтобъ имъ слободы завести и поселить вновь въ иныхъ мѣстѣхъ, и противъ того ихъ челобитья, безъ нашего, великого государя, указу, слободы селить не велтъ; а тѣхъ мѣстъ, о которыхъ слободчики бьютъ челомъ, посылать осматривать, въ какихъ урочищахъ тѣ мѣста, и сколь далеко отъ старыхъ слободъ, и кто тѣми землями владѣтъ, ясачные-ль или русскіе люди, и по какому нашему, великого государя, указу, а сыскавъ и досмотря и учиня тѣмъ землямъ чертежъ, писать къ намъ, великому государю, къ Москвѣ и чертежи присылать въ Сибирскій Приказъ“²⁾. Возникшая по царскому указу около 1680 г., слобода Утятская была, безъ сомнѣнія, заселена тѣми же „великого государя пашенными и оброчными крестьянами и служилыми и бѣломѣстными казаки изъ вольныхъ охочихъ людей“³⁾, которые въ то время населяли все сибирскія слободы вообще. Для защиты отъ нападена „воинскихъ людей“, слобода была обнесена „острогомъ“, т. е. оградой, состоявшей изъ отвѣсно вкопанных и сверху заостренныхъ кольевъ высотой отъ 2-хъ до 3-хъ саженой. Этотъ Уятскій отрогъ былъ однимъ изъ тѣхъ первыхъ четырехъ остроговъ, построенныхъ въ XVII в. на югѣ губерніи, о которыхъ мы упомянули выше.

Для управленія Уятской слободой, тюменскіе воеводы назначали *прикащиковъ*, которые были ближайшими начальниками „слободчиковъ“. Въ началѣ XVIII вѣка изъ Уятскихъ прикащиковъ упо-

1) Дополн. къ Актамъ истор. Т. IV, № 58, стр. 152.

2) Доп. къ Акт. ист. т. VIII, № 71, стр. 273.—Сибирскій приказъ находился въ Москвѣ.

3) Доп. къ Акт. ист. т. IV, № 58, стр. 153.

минается нѣкто Василій Шерстовъ. Царскими указами „велѣно прикащиковъ къ машеннымъ крестьяномъ приставливать добрыхъ, выбравъ изъ тамошнихъ лутчихъ людей, кого пригожь и кому бѣ пашня была за обычай“⁴⁾. Эти прикащики вели „роспись и имянной списокъ крестьянамъ и бѣломѣстнымъ⁵⁾ казакомъ“; наблюдали за поведеніемъ подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ и казаковъ, „чтобы крестьяне и ихъ братья и дѣти и илемянники, и подсосѣдники и захребетники, у себя въ слободѣ и въ деревняхъ и отъѣзжаючи за власть нигдѣ не воровали и не грабили и не розбивали, и драки и убойства и пожевщины не чинили, и зерню и карты не играли, и лихимъ бы никакимъ людямъ къ нимъ пріѣзду и приходу не было, и корчмы бы и блудницъ и табаку у себя не держали“. Прикащики были даже уполномочены „бѣломѣстныхъ казаковъ и оброчныхъ крестьянъ, во всякихъ дѣлахъ, опричь разбойныхъ и убойственныхъ и татинныхъ дѣлъ, по челобитнымъ судить въ десяти рублехъ, а больше десяти рублевъ не судить“, — т. е. прикащикамъ принадлежала судебная власть надъ крестьянами и казаками въ дѣлахъ гражданскихъ, съ правомъ наложенія штрафа не свыше, однако, 10 рублей. На обязанностяхъ прикащиковъ лежалъ также сборъ всякихъ пошлинъ съ торговыхъ людей въ пользу государевой казны. Прикащики обязывались „жители въ слободѣ отъ воинскихъ людей съ великимъ береженьемъ“; при извѣстіяхъ о приближеніи непріятельскихъ шаекъ, прикащики должны были „посылать на вѣсти бѣломѣстныхъ казаковъ и крестьянъ въ иные слободы и въ признанные мѣста, куды воинскихъ людей приходу чаятъ, и караулы отъѣзжіе и сторожи учинить крѣпкіе, а на вѣсти посылать почаству“; за прочими же жителями слободы и ближайшихъ къ ней деревень они должны были наблюдать, чтобы тѣ въ эти опасныя времена находились въ острогѣ, дабы „воинскіе люди“ не напали внезапно и „надъ деревнями и надъ людьми какого дурна не учинили“. Наконецъ, прикащики обязывались предохранять остроги и слободы отъ возможныхъ пожаровъ, особенно лѣтомъ. Ст. этой цѣлью они должны были

⁴⁾ Акты историч. Т. V, № 256, стр. 467.

⁵⁾ „Бѣломѣстные“ — освобожденные на основаніи жалованныхъ грамотъ или именныхъ указовъ, за особыя государственныя заслуги, отъ всеѣхъ или нѣкоторыхъ подворныхъ податей и повинностей.

строго слѣдить за тѣмъ, чтобы печи лѣтомъ топились лишь въ опредѣленные дни и притомъ рано утромъ, въ остальные же дни пища готовилась бы „на простыхъ мѣстѣхъ за острогомъ“; чтобы бани, запечатанныя на лѣтнее время, не топились „по все лѣто“; чтобы, на случай пожара, на избахъ была вода въ кадахъ вмѣстѣ съ вѣниками. Нарушителей же этихъ порядковъ прикащики были уполномочены „бить батоги и давать на поруки“. — Сверхъ прикащика, въ слободѣ были старосты, цѣловальники и десятники, выбиравшіеся самими крестьянами. И эти, какъ помощники прикащика, обязывались „надъ крестьяны смотрѣть и беречь накрѣпко и отъ всякаго воровства и побѣгу унимать“; о замѣченныхъ же ими проступкахъ крестьянъ они должны были доносить прикащику⁶⁾.

Едва успѣли поселиться русскіе въ Утятской слободѣ, какъ послѣдняя сдѣлалась предметомъ нападений и разгрома со стороны хищныхъ шаекъ киргизовъ. Сколько всѣхъ киргизскихъ набѣговъ пришлось испытать этой слободѣ, нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить. По всей вѣроятности нападений киргизовъ на слободу Утятскую были довольно часты, такъ какъ въ концѣ XVII вѣка въ предѣлахъ нынѣшняго Курганскаго уѣзда было всего только двѣ слободы (Утятская и Царево-Городище). Документально извѣстны лишь три набѣга на эту слободу. Первый изъ извѣстныхъ набѣговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самый ужасный былъ въ 1691 году. Впрочемъ, трудно сказать съ опредѣленностью, кто сдѣлалъ набѣгъ въ этотъ годъ, киргизы-ли или другіе средне-азіатскіе инородцы (напр., варакалпаки). Русскіе, однако, были убѣждены, что набѣгъ слѣланъ былъ киргизами, „людьми Тевки-хана“: „да въ томъ же (1691) году, — говорится въ одномъ документѣ 1696 года, — его-жъ Тевкихановы люди приходили подъ Утятскую и Камыцкую слободы и дворы сожгли, а прикащики и многихъ людей крестьянъ порубили до смерти и въ полонъ побрали русскихъ людей мужеска полу и женска многое число“⁷⁾. Въ виду какъ этихъ, такъ равно и послѣдующихъ набѣговъ, производившихся киргизами на другія русскія селенія до 1693 г. включительно, стольникъ и воевода Тобольскій Андрей Фе-

⁶⁾ *ibid.*, № 133, стр. 227—232.

⁷⁾ Доп. къ Акт. ист. Т. X, № 80, стр. 376.

доровичъ Нарышкинъ нашелъ нужнымъ отправить въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1694 г. къ Тевкихану двухъ казаковъ, въ качествѣ пословъ, съ требованіемъ, чтобы ханъ „тѣмъ ворами“, которыми были произведены грабежи и набѣги на русскія селенія, въ томъ числѣ и на Утятскую слободу, „по розыску, указъ учинилъ“. Но Тевкиханъ, выслушавъ рѣчь казаковъ, отвѣтилъ имъ, что въ 1691 году „подъ слободы и деревни въ Тобольской уѣздѣ приходили войною каракалпаки⁸⁾, а не его Казачьи орды татары“⁹⁾. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Слѣдующій набѣгъ былъ въ 1701 г., когда для защиты русскихъ крестьянъ уже существовалъ сформированный Петромъ Великимъ драгунскій полкъ, полковникъ котораго имѣлъ мѣстожителство въ Исетскомъ острогѣ Ялutorовскаго дистрикта. Когда распространились слухи о приближеніи къ русской границѣ киргизовъ, ближній бояринъ и воевода князь Михайло Яковлевичъ Черкасскій своею „указною памятью“ распорядился, чтобы драгунскій полковникъ принималъ надлежащія мѣры къ отраженію непріятелей и защитѣ русскихъ людей. Въ силу этой „указной памяти“, „драгунскіе — полковникъ Давыдъ Яковлевичъ Мейнъ да полголова Степанъ Текутьевъ, собрався въ Исетскомъ острогѣ съ капитаны — исецкой роты съ Иваномъ Алексѣевымъ съ ротою, мехонской роты съ Карпомъ Полстова съ ротою, и взявъ изъ Исетскаго острогу полковыхъ припасовъ 3 ловымъ пушки мѣдныя на станахъ, окованы желѣзомъ, къ нимъ пороху и ядеръ, да присланныхъ 99 мушкатоновъ съ приборы, съ ремни и мѣрки, изъ Исецкого острогу пошли на береговую (т. е. охранительную) великаго государя службу, въ слободу на Царево-Городище, іюня въ 10 день. А въ слободу на Царево-Городище съ капитаны и драгуны и припасы пришли іюня въ 13 день“. Отсюда, т. е. изъ Царева-Городища (нынѣ г. Курганъ), черезъ недѣлю, „іюня въ 20 день, драгунской полковникъ Давыдъ Яковлевичъ Мейнъ да полголова Степанъ Текутьевъ послали исецкой роты капитана Ивана Алексѣева, да съ нимъ драгунъ разныхъ ротъ 100

⁸⁾ Каракалпаки („черныя шапки“, „черныя клобуки“) — близкіе родичи печенѣговъ, если не потомки ихъ. Жили ранѣе въ Средней Азіи и боролись съ киргизами. Теперь наибольшее число ихъ живетъ въ предѣлахъ Хивы, въ дельтѣ Аму-Дарьи, затѣмъ — въ Бухарѣ.

⁹⁾ *ibid.*, стр. 379.

человѣкъ въ Утятскую слободу, для оберегательства отъ воинскихъ людей“. Съ этого дня почти до конца сентября производились въ слободѣ Утятской еженедѣльные смѣны капитановъ и драгунъ. Такъ; 27 іюня „на перемѣну къ прежнему посланному капитану Ивану Алексѣеву“, Мейнъ и Текутьевъ послали въ слободу Утятскую „шадринской роты капитана Степана Ранчковскаго да съ нимъ драгунъ 100 человѣкъ“. Ранчковскаго и его драгунъ смѣнилъ 6 іюля „мехонской роты капитанъ Карцъ Полстоваловъ“ съ своими 100 драгунами. Полстоваловъ, въ свою очередь, 12 іюля былъ смѣненъ „суерской роты капитаномъ Андреемъ Куртуковымъ“. 19 іюля на смѣну Куртукова прибылъ въ Утятскую слободу „колчеданской роты капитанъ Василій Лосевъ да съ нимъ драгунъ разныхъ ротъ 100 человѣкъ“. Каждый изъ этихъ капитановъ, возвращаясь изъ слободы Утятской и представляясь въ слободѣ Царево-Городище полковнику Мейну, докладывалъ послѣднему: „бывши-де на обереговой великаго государя службѣ въ Утятской слободѣ съ драгуны, и драгунъ-де въ проѣзжіе станицы посылалъ, а вѣдомостей-де про воинскихъ людей никакихъ не бывало“. „Іюля въ 27 день драгунскіе полковникъ Давыдъ Яковлевичъ Мейнъ да полуголова Степанъ Текутьевъ послали изъ слободы Царева-Городища арамилской роты капитана Ивана Буткѣева, да съ нимъ драгуны разныхъ ротъ 100 человѣкъ въ Утятскую слободу, для оберегательства отъ воинскихъ людей, на перемѣну къ прежнему посланному капитану Василью Лосеву“¹⁰⁾.

Вотъ во время дежурства капитана Буткѣева и сдѣланъ былъ киргизами набѣгъ на Утятскую слободу. Впрочемъ, этотъ второй изъ извѣстныхъ намъ набѣговъ не сопровождался тѣми ужасными звѣрствами, какими отличалось первое нападеніе кочевниковъ на ту-же слободу. Набѣгъ произошелъ 29 іюля „въ обѣдъ“, т. е. около полдня. Объ обстоятельствахъ набѣга въ тотъ же день экстренно доносили въ Царево-Городище полковнику Мейну одинъ за другимъ прикащикъ Василій Шерстовъ и капитанъ Буткѣевъ. Вотъ какъ изображается этотъ набѣгъ въ „отпискахъ“ указанныхъ должностныхъ лицъ. Утромъ 29 іюля двое драгунъ колчеданской роты, изъ которыхъ одного звали Якимкой Кисельниковымъ, отправились изъ сло-

¹⁰⁾ Пам. Сибир. ист. Т. I, № 35, стр. 144—155.

боды Утятской „за поскотину по траву для конского корму“. Около полдня, „въ обѣдъ“ напали на нихъ „воровскіе воинскіе люди“. Якимку Кисельникова „воинскіе люди отъ слободы отшибли и взяли въ полонъ, а другой человекъ драгунъ отъ поимки убѣжалъ; а на поимкѣ воинскіе люди отняли у нихъ государское драгунское ружье, двѣ гладкіе пищали“. Кроме того, киргизы „убили до смерти“ шедшую въ Утятскую слободу жену крестьянина Бориса Меньшикова. После этого киргизы подступили къ самой слободѣ и „обсадили“ ее. Находившіеся въ слободѣ драгуны „съ тѣми воинскими людьми изъ ружья стрѣлялись, и отбили у воинскихъ людей 2 копья, одно железное, а другое деревянное“. После боя киргизы „пошли отъ слободы назадъ тою жь сакмою въ степь“. Слѣдомъ за ними помчались на своихъ коняхъ драгуны, въ количествѣ человекъ тридцати; гнались за непріятельской шайкой версты съ три, но догнать не могли. „Дорогою бѣжавъ по сакмѣ, драгуны нашли аракчинъ бархатной черной стежной татарской“. По признакамъ, „по сакмѣ“, т. е. по слѣду, „подъ слободою въ приходѣ воинскихъ людей было человекъ съ 50“.

Полковникъ Мейнъ и полуголова Текутьевъ, получивъ письмо прикащика Шерстова, посланное, по всей вѣроятности, сразу после отступленія киргизовъ, — немедленно же отправились изъ Царева-Городища въ слободу Утятскую, взявъ съ собою драгунъ. На дорогѣ, „не дошедъ до Утятской слободы“, они встрѣтили драгуна „Софонка Тимоѣевича“, везшаго „отписку“ капитана Буткѣева. Вечеромъ того же 29 іюля Мейнъ и Текутьевъ съ драгунами были уже въ слободѣ Утятской, откуда немедленно, „переправясь за Тоболь рѣку и взявъ съ собою малые 2 пушки полковые, легкимъ ходомъ пошли ночью, и верстъ съ 5 отшедъ, въ темное время постояли“. Рано утромъ слѣдующаго дня (30 іюля) драгуны съ полковникомъ и полуголовою отправились въ дальнѣйшую погоню за киргизами, дежа путь, по слѣдамъ („сакмѣ“) непріятелей, къ юго-востоку. Это преслѣдованіе киргизовъ со стороны русскихъ драгунъ, какъ видно изъ „Статейнаго списка о походахъ драгунскаго полковника Давыда Мейна“, продолжалось нѣсколько дней и было вполне безуспѣшно, „такъ какъ тѣ воинскіе люди побѣжали наспѣхъ, днемъ и ночью, и стояли на становищахъ малое число“. Возвратился Мейнъ съ своими дра-

гунами въ Утятскую слободу лишь 3 августа. Отсюда онъ снова отправился въ Царево-Городище, куда и прибылъ 5 августа.

Послѣ этого (второго) набѣга киргизовъ на слободу Утятскую, смѣны капитановъ и драгунъ производились еженедѣльно до 25 сентября, когда, наконецъ, въ виду совершеннаго исчезновенія киргизовъ, „для оберегательства отъ воинскихъ людей“ въ слободу Утятскую былъ назначенъ „шадринской роты сержантъ Митька Мартыновъ да съ нимъ драгунъ 50 человекъ“¹¹⁾.

По всей вѣроятности, болѣе или менѣе значительные отряды драгунъ стояли въ слободѣ Утятской каждое лѣто, въ ожиданіи нападеній со стороны киргизовъ. По крайней мѣрѣ сохранились свѣдѣнія, что предъ третьимъ изъ извѣстныхъ набѣговъ киргизовъ на слободу Утятскую, въ послѣдней въ 1707 г. былъ даже подполковникъ Федотъ Матигоровъ съ нѣсколькими ротами драгунъ. Весьма возможно, что подполковникъ былъ въ томъ году въ Утятской слободѣ вслѣдствіе какого-нибудь выдающагося набѣга киргизовъ, извѣстія о которомъ до нашего времени не дошли. Извѣстный же намъ третій набѣгъ киргизовъ на Утятскую слободу былъ 5-го сентября 1707 года. Впрочемъ, въ этотъ разъ киргизы самой слободы не коснулись. Обстоятельства этого набѣга были таковы. Въ началѣ сентября 1707 г. крестьяне Утятской слободы Трофимъ Рѣпинъ и Мокій Завьяловыхъ, по отпуску прикащика Василя Шерстова, отправились изъ своей слободы „вверхъ Тобола, на рѣчку Алабугу, для сѣнной поставки и горного промыслу“. Утромъ 5 сентября „на стану, набѣжавъ на нихъ воровскіе люди Казачьи орды, или башкирцы, и взяли ихъ — Трофима да товарища его Мокія Завьяловыхъ, и пытали плетми и тыкали саблями и ножемъ, и велѣли вести подъ слободы и деревни“. Рѣпинъ и Завьяловыхъ согласились вести „воинскихъ людей“ къ Утятской слободѣ въ надеждѣ, что драгуны, стоявшіе въ слободѣ, разобьютъ и возьмутъ въ плѣнъ всѣхъ этихъ непріятелей. Но надежды означенныхъ крестьянъ не оправдались. На поляхъ за Тоболомъ, близъ слободы Утятской, случились тогда простые крестьяне, въ количествѣ 23 человекъ. „Воинскіе люди“ всѣхъ ихъ взяли въ плѣнъ, а „довѣдоя у полоненниковъ, что стоятъ въ Утятской

¹¹⁾ *ibid.*, стр. 156—164.

слободѣ государевы ратные люди, воровскіе люди въ степь на сѣвѣхъ побѣжали день и ночь“. „А по смѣтѣ воинскихъ людей было чело- вѣкъ съ 80, а ружье (т. е. оружіе) у нихъ (всякаго) челоуѣка по туркѣ и по луку; а луки бухарскіе желтые и макарьевскіе; а лошадей у всякаго по четыре; всего ста съ три и больши“. Вѣроятно, услышавъ шумъ и крики, бывшіе за Тоболомъ во время нападенія киргизовъ на крестьянъ, подполковникъ Матигоровъ, собравъ драгунъ двухъ ротъ — масленской и шадринской, рѣшился пуститься въ погоню за непріятелями. Но на первыхъ порахъ вышла небольшая задержка. „Остановка же и задержаніе за воровскими воинскими людьми учини- лась отъ прикащика Утятской слободы Василья Шерстова, что онъ Василей не велѣлъ крестьяномъ за Тоболь рѣку строить мостъ; а прежде того по вся годы за Тоболь мостъ былъ построенъ для по- спѣшенія и походовъ за воинскими людьми“; мостъ тотъ въ 1707 г. „за Тоболь рѣку большою водою унесло“. Но не смотря на эту за- держку, погоня подполковника Матигорова на этотъ разъ увѣчалась успѣхомъ. „Сентября 7 числа въ степи, за солеными озерами, внизъ Ишима рѣки, по утру, тѣхъ воровскихъ воинскихъ людей постигли и русской полонъ отбили“. Зная, что русскихъ драгуновъ не одолѣть, киргизы старались излить свою ярость на русскихъ плѣнникахъ: „но- жами рѣзали ихъ и копьями кололи“, четырехъ челоуѣкъ, именно — Ульяну Кабанову, Матвѣя Кабанова, Настасью Завьялову и Аксинью Филипову „убили до смерти, да 10 челоуѣкъ ранили мужеска полу и женска“. При приближеніи драгуновъ, „воровскіе воинскіе люди коней покидали, и сумы съ запасами и япанчи бросали и побѣжали въ степь на сѣвѣхъ“.¹²⁾

Конечно, и послѣ этого третьяго изъ извѣстныхъ намъ киргиз- скихъ набѣговъ, кочевники не переставали тревожить жителей Утят- ской слободы. Заботы земледѣльцевъ о своихъ домахъ и семьяхъ по- буждали ихъ принимать тѣ или иныя мѣры къ охраненію слободы отъ внезапныхъ нападеній кочевниковъ. Лучшей защитой въ то вре- мя, конечно, могла быть стѣна вокругъ всей слободы. И та- кая стѣна въ первой половинѣ XVIII вѣка при Утятской слободѣ дѣйствительно была, что можно видѣть изъ свѣдѣній объ Ялutorов- скомъ дистриктѣ, представленныхъ Ялutorовскою управительской кан-

¹²⁾ *ibid.*, № 77, стр. 311—312.

целяріей генералу Киндерману при рапортѣ отъ 14 апрѣля 1749 г. Эта канцелярія о слободѣ Утятской сообщила тогда Киндерману такія свѣдѣнія: „Ялutorовскаго дистрикта Утятская слобода; около нея имѣется городского строенія: кругомъ той слободы городъ лежащей въ столбахъ, тако-жь надолбы, рогатки и ровъ, и при томъ городъ четверы проѣзжія ворота, на которыхъ имѣются караульныя каланчи“. ¹³⁾ Очевидно, что Утятская слобода въ XVIII в. представляла собою крѣпость и притомъ довольно сильную для кочевниковъ того времени. Съ наружной стороны слобода была окружена рвомъ и обнесена „городомъ лежащимъ въ столбахъ“, т. е. стѣною, сдѣланною изъ бревенъ, положенныхъ горизонтально между столбами. Для сообщенія съ полемъ въ стѣнѣ имѣлось четверо проѣзжихъ воротъ, надъ которыми для наблюденія за непріятельскими шайками были устроены каланчи. Кроме того, въ качествѣ укрѣпленій, близъ слободы были наставлены ряды рогатокъ и надолбы. Рогатки устраивались очень просто: брались два кола и, соединенные другъ съ другомъ крестообразно, на подобіе буквы „х“, вбивались въ землю. Надолбы же представляли собою столбы изъ толстыхъ бревенъ, поставленныхъ тѣсно одинъ возлѣ другаго и составлявшихъ сплошную стѣну. Надолбъ было два ряда; ряды эти соединялись между собою поперечными связями изъ бревенъ наверху и имѣли видъ извилистыхъ корридоровъ. Ряды рогатокъ и надолбы служили преимущественно для задержанія натисковъ со стороны болѣе или менѣе значительнаго отряда киргизскихъ всадниковъ.

Какъ велико было населеніе Утятской слободы въ самое первое время ея существованія, нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Извѣстія о числѣ жителей этой слободы, равно какъ и другихъ селеній Tobольской губерніи, не восходятъ далѣе 1749 г. По свѣдѣніямъ Ялutorовской управительской канцеляріи, въ слободѣ Утятской около 1749 года было 39 дворовъ, а людей мужескаго пола отъ 16 до 50 лѣтъ было 123. Слѣдовательно, чтобы опредѣлить, хотя приблизительно, полное количество жителей Утятской слободы обоого пола и всѣхъ возрастовъ во второй четверти XVIII ст., нужно число 123 по меньшей мѣрѣ увеличить въ два съ половиною раза. — Изъ сохранившихся отъ конца XVII и начала XVIII вѣка документовъ мы узнаемъ и

¹³⁾ Вѣстн. Имп. Рус. Геогр. Общ. 1860 г., ч. XXIX, стр. 213—214.

фамиліи нѣкоторыхъ крестьянскихъ семействъ, жившихъ тогда въ слободѣ Утятской. Такъ, по фамиліямъ, были, напр., крестьяне: Иноземцевы, Меньщиковы, Завьяловы, Рѣпины, Кабановы, Филипповы, Цыренщиковы (въ 1707 г. Дмитрій Цыренщиковъ былъ „крестьянскимъ старостой“ Утятской слободы) и др.

(Окончаніе будетъ).

СЛОБОДА УТЯТСКАЯ *)

въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка.

(Страница изъ исторіи киргизскихъ набѣговъ).

II.

Во второй четверти XVIII вѣка, когда съ увеличеніемъ на югѣ губерніи форпостовъ набѣги киргизовъ сдѣлались не такъ частыми, стали близъ Утятской слободы, по рѣкѣ Тоболу и его притокамъ, возникать новыя селенія. Такихъ селеній, приписанныхъ къ слободѣ Утятской и подчиненныхъ ей въ административномъ отношеніи, по свѣдѣніямъ 1749 г. было уже восемь, въ числѣ которыхъ было одно село, остальные же — деревни. Селенія эти были слѣдующія: деревни — Завьялова, Меньщикова, Галишова, Предеина, Вавилкова, Сабанина, Утятская и село Успенское. Дворовъ, по свѣдѣніямъ 1749 г., въ этихъ селеніяхъ было: въ деревнѣ Завьяловой — 18, въ Меньшиковой — 46, Галишовой — 47, Предеиной — 39, Вавилковой — 15, Сабаниной — 10, Утятской — 13 и въ селѣ Успенскомъ — 42. Но хотя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ селеній число дворовъ было больше, чѣмъ въ самой слободѣ, населенія въ нихъ, однако, было меньше. По свѣдѣніямъ того же года, въ деревнѣ Завьяловой лицъ мужескаго пола въ возрастѣ отъ 16 до 50 лѣтъ было 22 человекъ, въ деревнѣ Меньшиковой — 82, въ Галишовой — 77, Предеиной — 81, Вавилковой — 38, Сабаниной — 9, Утятской — 34 и въ селѣ Успенскомъ — 71 человекъ¹⁾. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, при деревняхъ Меньшиковой, Галишовой, Предеиной, Сабаниной и селѣ Успенскомъ во второй четверти XVIII в. имѣлось „городовое строеніе, токмо весьма плохое, городъ лежащей въ столбахъ“. Наиболее отдаленное изъ всѣхъ указанныхъ селеній находилось не болѣе, какъ въ 20 верстахъ отъ слободы. Большая часть этихъ селеній существуетъ и въ настоящее время, именно: деревни Предеина, Вавилкова и Утятская, расположенныя по рѣкѣ Тоболу ниже Утятской слободы, и деревни Меньщикова и Галишова, стоящія при рѣчкѣ Юрга-

1) Изъ всемірной исторіи очерки проф. М. Н. Петрова. Изд. 3. Спб. 1896 г.

*) См. Тоб. Епарх. Вѣд. 1900 г. № 14.

1) Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ. 1860 г., ч. XXIX, стр. 214.

мышѣ. Для опредѣленія же мѣстоположенія деревень Завьяловой и Сабаниной и села Успенскаго данныхъ не имѣется. Когда и вслѣдствіе какихъ причинъ исчезли съ лица земли эти селенія, также неизвѣстно.

Какъ внѣшняя жизнь слободы Утятской, вслѣдствіе киргизскихъ набѣговъ, была довольно тревожною, такъ и внутренняя жизнь ея обитателей текла не всегда ровно и спокойно. Слобода Утятская съ самаго же начала своего существованія сдѣлалась извѣстною даже далеко за предѣлами нынѣшней Тобольской губерніи. Но извѣстность эта была, можно сказать, печальная. Находясь на югѣ Тобольской губерніи, вдали отъ главныхъ сибирскихъ городовъ того времени, слобода Утятская обратила на себя вниманіе раскольниковъ, бѣжавшихъ изъ Россіи въ Сибирь, которые и не замедлили свить себѣ здѣсь гнѣздо. Наиболее важныя событія изъ жизни раскола въ слободѣ Утятской относятся къ 1682 г. Въ этомъ году, при воцареніи Іоанна и Петра Алексѣевичей, „Тобольскаго уѣзду въ Утятской слободѣ слободчикъ Ѳедька Иноземцемъ съ единомысленники своими великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣвичу, Петру Алексѣвичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцамъ, и государынямъ благовѣрнымъ царевнамъ креста не цѣловали, учинились непослушны“. Этотъ слободчикъ Иноземцевъ былъ раскольникъ — старообрядецъ и вмѣстѣ съ немалоизвѣстнымъ въ свое время „сибирскимъ старцемъ затворщикомъ“ Авраміемъ вознамѣрился основать при слободѣ Утятской раскольниковую пустынь „на прелесть православнымъ христіаномъ“. Пустынь возникла и сдѣлалась извѣстною всему раскольниковому кругу въ Сибири, такъ что сюда стали стекаться раскольники изъ разныхъ городовъ и селъ Сибири, начиная отъ слободы Мехонской (нынѣ Шадринскаго уѣзда) и кончая Верхотурьемъ. „Въ нынѣшнемъ во 190 году (т. е. въ 1682), — писалъ Тобольскій воевода князь Алексѣй Голицынъ Тюменскому воеводѣ Тимоѳею Ртищеву, — Утятскіе слободы отъ Ѳедьки Иноземцева обвели объѣзжую дорогу мимо Царева-Городища, и объѣзжаютъ всякіе люди; и собираютца къ нему старцы и бѣльцы съ женами и съ дѣтьми съ Тюмени, изъ Кецкого острогу, изъ Мехонской слободы раскольшики и раздоршики, и во святѣй Божіи церкви и ко отцемъ духовнымъ не ходятъ, и всякіе богохульные рѣчи испущаютъ и въ дома свои отцевъ духовныхъ не пушаютъ“²⁾. Въ нѣкоторыхъ другихъ документахъ того же года добавляется еще, что „на Тоболь въ Утятскую слободу къ слободчику Ѳедькѣ Иноземцеву выѣзжаютъ изъ городовъ и слободъ многіе всякихъ чиновъ люди, покиня дворы и животы свои и скоть и хлѣбъ“⁴⁾.

2) Дон. къ А. Ист. Т. X, № 3, ст. IV, стр. 9.

3) *ibid.* № 3, ст. I, ст. 8.

4) *ibid.* № 3, ст. II, стр. 9. — Акты Ист. Т. V, № 101, стр. 162.

Когда все это сдѣлалось извѣстно Тобольскому воеводѣ, послѣдній потребовалъ отъ старца Аврамія и слободчика Иноземцева объясненій, почему тѣ отказались принять присягу на вѣрность царямъ. Эти Утятскіе вожди раскола подтвердили дѣйствительность своего отказа отъ принятія присяги, дали въ особой „сказкѣ“ объясненіе причинъ такового отказа и ко всему тому прибавили, что „и впредь они великимъ государемъ креста цѣловать не хотятъ“⁵⁾. Дѣйствія раскольниковъ приняли, такимъ образомъ, характеръ политическаго возмущенія, потребовавшаго со стороны властей строгихъ мѣръ. Прежде всего, для ослабленія значенія вновь образовавшейся Утятской раскольнической пустыни, князь Голицынъ послалъ воеводамъ Тюменскому и Верхотурскому „отписки“, чтобы тѣ, разославъ прикащикамъ въ слободы и деревни „памяти съ большимъ подкрѣпленіемъ“ (т. е. съ подтвержденіемъ), обязуя прикащиковъ „по всѣмъ дорогамъ поставить заставы крѣпкіе и изъ городовъ и селъ въ Утятскую слободу никакихъ людей отнюдь пропускать не вѣлеть; а будетъ на Тюмень и Верхотурье въ деревни изъ Утятскіе слободы кто пріѣдетъ, и тѣхъ людей вѣлеть распрашивая задерживать, а въ Утятскую слободу не отпущать“⁶⁾. Воеводы, разсылая по слободамъ „памяти“, добавляли, съ своей стороны, чтобы прикащики проѣзжающихъ мимо ихъ селеній въ Утятскую слободу, „имали и приводили въ судную избу“ и, тамъ задерживая, „въ Утятскую слободу отнюдь не пропускали“; а возвращающихся изъ Утятской слободы „имали бы и присылали въ Верхотурье или Тюмень съ бѣломѣстными казаки, въ крѣпни“⁷⁾. Для расправы же надъ бунтовщиками на самомъ мѣстѣ ихъ возмущенія, Тобольскій воевода князь Голицынъ настоятельно потребовалъ отъ Тюменскаго воеводы Ртищева, чтобы тотъ „выслалъ съ Тюмени въ Ялutorовскую слободу Тюменскихъ Литвы и конныхъ казаковъ 150 человекъ съ ружьемъ и со всякою службою и знамены и съ полными запасы съ Тюменскимъ татарскимъ головою Петромъ Текутьевымъ, для посылки на непослушниковъ Утятскіе слободы слободчика Ѳедьки Иноземцева съ товарищи“⁸⁾. Безъ сомнѣнія, войско было выслано, но что было сдѣлано этимъ войскомъ въ Утятской слободѣ, мы не знаемъ. Впрочемъ, едва-ли что и оставалось дѣлать этому войску, такъ какъ единомысленники Иноземцева въ томъ же году „до смерти пострадали“, принявъ такую кончину, которая, по ученію расколовождей того времени, сдѣлала ихъ „наче прежнихъ мучениковъ у Бога“. Вотъ что записано объ этомъ событіи

⁵⁾ Доп. къ Акт. Ист. Т. X, № 3, ст. III, стр. 9.

⁶⁾ *ibid.*, № 3, ст. II, стр. 9.

⁷⁾ Акты Ист. Т. V, № 101, стр. 162.

⁸⁾ Доп. къ А. Ист. Т. X, № 3, ст. IV—V, стр. 9—10.

въ рукописномъ лѣтописцѣ Тобольской духовной семинаріи подъ 1682 годомъ: „Въ Тобольскомъ уѣздѣ, въ Утятской слободѣ, вверхъ по Тоболу рѣкѣ, собралися слободскіе и деревенскіе мужики человекѣ ста четыре (104) съ женами и дѣтьми и съ животами, раскольнаго ученія тѣхъ престестниковъ старцевъ, и въ тѣхъ своихъ домѣхъ запершия сгорѣли“⁹⁾.— Дальнѣйшія судьбы раскола въ слободѣ Утятской неизвѣстны.

Что касается православнаго населенія этой слободы, которое было здѣсь, безъ сомнѣнія, преобладающимъ, то, находясь вдали отъ ранѣе возникшихъ слободъ и городовъ, имѣвшихъ свои церкви, оно естественно должно было, для удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей, позаботиться относительно построенія въ своей слободѣ церкви или, по крайней мѣрѣ, часовни. Весьма возможно, что въ въ первые же годы по основаніи слободы была воздвигнута здѣсь церковь,—и это тѣмъ вѣроятнѣе, что, по словамъ сибирскаго историка В. Словцова, общимъ правиломъ русскихъ переселенцевъ въ Сибири было: „гдѣ зимовье ясажное, тамъ и крестъ или внослѣдствіи часовня; гдѣ водвореніе крѣпостное, тамъ церковь и пушка; гдѣ городъ, тамъ и укрѣпленіе воеводское, огнестрѣльный снарядъ и монастырь, кромѣ церкви“¹⁰⁾. Намеки на существованіе въ слободѣ Утятской въ 1682 г. церкви можно, пожалуй, видѣть въ вышенприведенныхъ словахъ Тобольскаго воеводы, князя Голицына, о томъ, что раскольники Утятскіе „ко святѣй Божіи церкви и ко отцемъ духовнымъ не ходятъ и въ дома свои отцевъ духовныхъ не пушаютъ“. Но это только догадки; достовѣрно же извѣстно лишь то, что въ концѣ первой четверти XVIII ст. въ слободѣ Утятской церковь уже существовала, была, конечно, деревянная и, какъ посвященная въ честь св. Николая чудотворца, называлась Николаевскою.

Изъ священнослужителей, бывшихъ при этой церкви въ первой половинѣ XVIII вѣка, извѣстенъ лишь одинъ, именно—священникъ *Петръ Иконниковъ*, который „по заручнымъ письмамъ прихожанъ Николаевской церкви Утятской слободы“ былъ рукоположенъ митрополитомъ Тобольскимъ Антоніемъ I (Стаховскимъ) въ діакона въ октябрѣ мѣсяцѣ 1726 г., а во священника въ мартѣ слѣдующаго 1727 года. Свѣдѣнія объ этомъ священникѣ довольно интересны. До принятія священства, Иконниковъ съ апрѣля 1723 г. нѣсколько времени служилъ безъ жалованья писцомъ въ Екатеринбургской Земской Конторѣ, откуда 28 іюня того же года бѣжалъ „невѣдомо куда“. Пойманный 10 іюля 1724 года и опредѣленный въ ту же контору на должность „молодого подьячаго“, съ жалованіемъ по 9 руб. въ годъ, Иконниковъ 3 августа

⁹⁾ Тоб. Епарх. Вѣд. 1883 г. № 8, стр. 168.

¹⁰⁾ Словцовъ В. Историч. обзоръ Сибири, М. 1838 г., ч. I, стр. 58.

1726 г. снова бѣжалъ „невѣдомо куда“ и, находясь въ бѣгахъ, написалъ другому бѣглому подьячему заводской конторы, Якову Маслыкову, подложный паспортъ, а ранѣе, находясь на службѣ, „учинилъ казнѣ убытковъ на 3 руб. 70 коп.“ и за это „воровство и плутовство“ признанъ былъ Оберъ-бергъ-амтомъ (т. е. находившимся въ то время въ г. Екатеринбургѣ управленіемъ, вѣдавшимъ горные заводы) негоднымъ къ службѣ. Во время этого-то втораго побѣга Иконниковъ и былъ рукоположенъ въ Tobольскѣ сначала въ санъ діакона, а потомъ и священника. Не зная ничего о мѣстѣ пребыванія Иконникова, Екатеринбургскій Оберъ-бергъ-амтъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе о ссылкѣ и задержаніи этого бѣглеца, указавъ всѣ примѣты его. Когда же стало извѣстнымъ, что Иконниковъ находится въ Tobольскѣ и уже рукоположенъ въ санъ діакона, главный начальникъ горнаго дѣла въ Сибири, артиллеріи генераль-маіоръ Геннингъ, промеморіею (т. е. отношеніемъ) отъ 13 января 1727 г. просилъ Tobольскій архіерейскій приказъ или возвратитъ Иконникова, „по обнаженіи священства“, подъ строгимъ карауломъ, къ прежнему мѣсту службы его, или вмѣсто его прислать другаго подьячаго, „чтобъ въ счетныхъ выпискахъ по горному дѣлу не произошло остановки“. Архіерейскій приказъ отвѣтилъ, что Иконниковъ, яко-бы принадлежащій, по происхожденію, къ синодальному вѣдомству, рукоположенъ въ санъ діакона правильно, по заручному прошенію прихожанъ Утятской Николаевской церкви. Въ мартѣ мѣсяцѣ того же 1727 г., митрополитъ Антоній, не обращая вниманія на претензіи генерала Геннинга и Оберъ-бергъ-амта, увѣрявшаго, что Иконниковъ, какъ сынъ подьячаго, состоявшаго на службѣ при горныхъ заводахъ, не принадлежитъ къ синодальному вѣдомству, — рукоположилъ Иконникова въ санъ іерея. Недовольный дѣйствіями митрополита Антонія, Оберъ-бергъ-амтъ поступилъ съ священникомъ Иконниковымъ по своему: послѣдній 14 іюня того же 1727 г. былъ взятъ въ Екатеринбургъ и въ оковахъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ „претерпѣвалъ великое томленіе голодомъ“. Въ февралѣ 1728 г., не вынося этого томленія, священникъ Иконниковъ „сказалъ за собою слово и дѣло“, т. е. объявилъ себя политическимъ преступникомъ, почему и былъ отправленъ изъ Екатеринбургской тюрьмы въ Москву, въ государственную Бергъ-Коллегію. Въ Бергъ-Коллегіи (т. е. главномъ въ Россіи учрежденіи, завѣдывавшемъ въ XVIII в. горномъ производствомъ) Иконниковъ объяснилъ, что ни за собою, ни за другими важной вины онъ не знаетъ, а „сказалъ слово и дѣло“ только для того, чтобы освободиться изъ томительнаго заключенія. И дѣйствительно, томленія Утятскаго священника послѣ этого чрезъ нѣкоторое время прекратились. Бергъ-Коллегія возвратила Иконникова въ Екатеринбургскій Оберъ-бергъ-амтъ, но съ тѣмъ, чтобы изъ Екатеринбурга священ-

никъ Иконниковъ былъ отправленъ въ Тобольскій архіерейскій приказъ. Оберъ-бергъ-амтъ, однако, исполнилъ приказаніе Бергъ-Коллегіи не скоро: Иконниковъ былъ почему-то еще два мѣсяца продержанъ въ Екатеринбургѣ подъ арестомъ, и только ужъ послѣ этого Оберъ-бергъ-амтъ выслалъ его въ Тобольскъ. Здѣсь митрополиту Антонію Иконниковъ относительно взводившихся на него обвиненій объяснилъ, что къ бѣгству съ мѣста службы онъ былъ вынужденъ нечаею ему полнаго жалованья, опредѣленнаго „молодому подьячему“ въ 18 руб., а выдача подложнаго паспорта и прочетъ на 3 руб. 70 коп. „учинены были имъ безъ умыслу“. Въ виду того, что по милостивому манифесту, состоявшемуся въ апрѣлѣ 1728 г., по случаю коронаціи Императора Петра II, вины Иконникова были отпущены ему, равно какъ и въ виду того, что Тобольская епархія имѣла тогда „крайнюю нужду“ въ кандидатахъ священства, митрополитъ Антоній, находившійся вообще въ антагонизмъ со свѣтскими сибирскими чиновниками, „не усмотрѣвъ, съ своей стороны, за Иконниковымъ важныхъ вины“, отослалъ его въ слободу Утятскую къ Николаевской церкви, къ которой тотъ и былъ ранѣ рукоположенъ во священника ¹¹⁾.

А. Юрьевскій.

¹¹⁾ Опис. док. и дѣлъ арх. св. Синода. Т. VII, № 349, стр. 357—359.